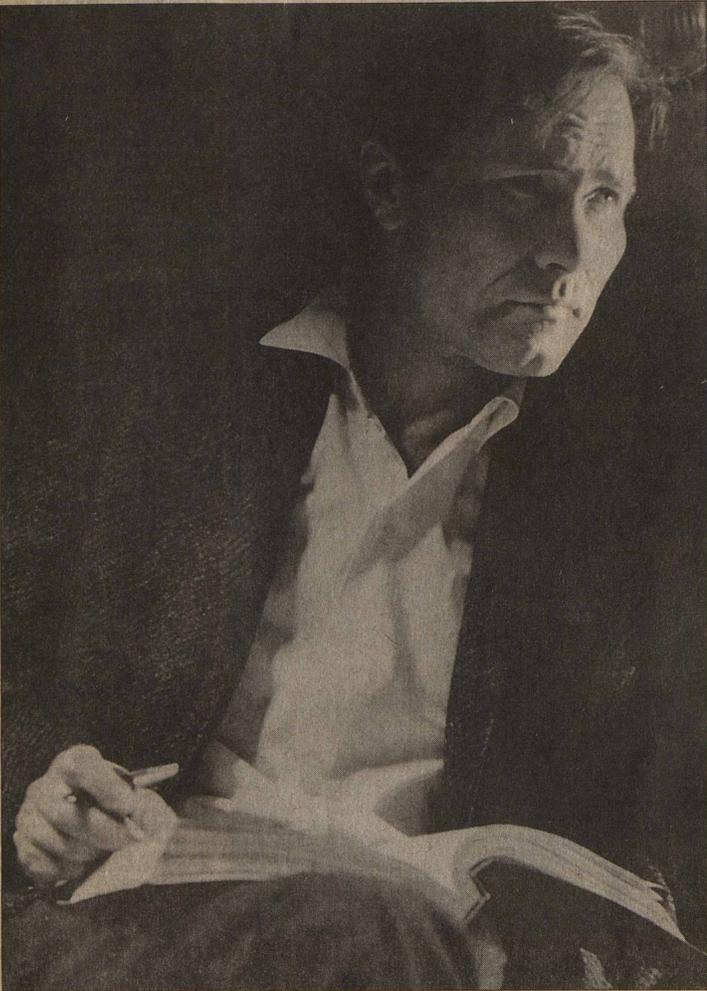
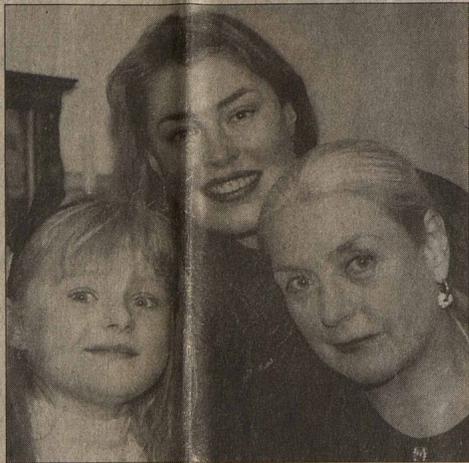

8 Культура

ШУКШИН

Жизнь сложная, мы потом в ней разберемся

С внучкой Анечкой и дочерью Машей

убежал. А я, как дура, сижу в загсе. Молодая, беременная. Еле развелась. Воронин долго не соглашался, я к нему приезжала, ну дай ты мне развод, смотри, я ведь уже беременная...

— Долго ждать Шукшина в загсе пришлось?

— Зарегистрировалась мы только со второго захода — 3 февраля 1967 года. Вообще я каждый листочек, что Вася писал мне урну выжимала, незаметно подбирала и хранила. Остался и такой документ. Когда мы пришли в следующий раз, расписались, дали нам бумаги, а в них наугадли Федосеева Лидия Николаевна и Шукшин Василий Макарович, а не Шукшин Василий. Он тут же завизировал: «Как, опять? Нуде твои Шукшин, пасть ему порвун!»

И зачем он на последние съемки поехал... Думал, Бондарчук ему после помощи с «Розиним» заступиться... Пять последних месяцев его дома не было. Звонил, и каждый раз голос дрожал, слезы, видно, душили, оттого что приехать не мог. «Устал?» — спрашивала. — «Да ничего». — «Жара стоит. Тяжело?» — «Нормально».

— Какой самый дорогой подарок вы получили от Василия Макаровича?

— Детей. Я мечтала о ребенке два года, но что-то не получалось. А когда поехали в Ленинград, моя мама благословила нас, и появилась Маша. Второго ребенка я не хотела рожать, потому что помощи от него тогда не было, у него срывы продолжались, но он вызвал мою маму и на колених клялся, что бросит пить. Я оправдывалась: мне одной тяжело, но маму у меня верующая, отговорила грех на душу брать. Ольга родилась. Как он девочку любил! Приговаривал: «Уныли! А чего там, маленькие дети они все красивые».

Очень сына Шукшина еще хотел...

25 июля Россия отметит 70-летие своего любимого сына

На левой руке у него была татуировка — финский нож клинком за запястьем. Традиционная наколка, видная только, когда рука рубашки был завернут. Таким же острием, не ножа — своего пера, здорово царапнул он по сердцам да по судьбам, так, что двадцать пять лет уж скоро будет, как живем без него, а саднит до сих пор и долго еще болеть будет...

Ирина КОРНЕЕВА

Сын

Что чувствует мать, пережившая своего ребенка? Не дай Бог никому узнать. Как неестественно, фальшиво кричала от боли на все кладбище мама Шукшина, гулявшая элитное Новодевичье кладбищенским плачем в голос. — От поля то его все нутро горюет. «Могильно-то я его так и не видела. Как гроб-то опустили, я вроде как сознания лишилась. Уже когда очнулась — глядь, а там, где должна быть могилка, — море цветов», — написала поэтесса Мария Сергеевна Попова. На похоронах в доме сына на улице Бочкова она пробыла минут пять — десять. Замотанная, больная женщина. Вспомнилась в каждом, кто перед ней за столом сидел, кого-то узнавала. Выпила только стакан водки, закусила куском черного хлеба и извинилась: «Простите меня, я так устала, я лоху подпину... У плакальщиц повсюду есть: горе с криком нужно выплескивать. Так страшно и так плохо ей было, что не выкрики она всего того, может, и не прожила бы еще пять лет на дитеню без своего первенца Василия. «Мамочка мои милые!» — обращалась она к нему в письмах — от первого до самых последних, отпавленных в 1974-м — году его смерти...

А вот однажды съездил на Катунь, налил бочку, поехал, а хомут досады да порывы. Бак из двухколески выпрыгнул и пошел себе дальше, а он прыгнул с сиденья и стал мучиться: заведет быка в оглобли, хомут не съяжет. Разорвал рубашонку, завязал хомут. Помнил ли он эту историю, не знаю. А мне она запомнилась. Рубашонка-то последняя была...

Брат
Чего не могли простить ему «коллеги» из Госкино, так это русскую самобытность и национальную гордость. Одержал в Париже, куда Шукшин ездил на премьеру фильма «Странные люди», его плащ подгорел в ресторане. Гадеробчики долго извинялся, а хозяйка предложила взамен дорогую дубленку. Наша делегация от зависти готова была провалиться, что не их вещи подгорели, а Шукшин уперся и ни в какую: что я, нищий, что ли, говорит, воротник подожгу и сгорится мой еше. Так и проходил весь Париж с прожженным воротником. А купил там себе не только голубую меху — карманские часы. Но в Москве тут же кому-то их подарили...

Отдельные критики шипели: у них там Фелини с пережитками неореализма, а у нас тут, видите ли, Шукшин со своими березками. Меж тем березы для Шукшина были не просто символом, как для горожан. Сестра Шукшина Наталья Зиновьевна вспоминала: «Зимы тогда были холодные, снежные. Бураны сменялись морозами, да такими лютыми — ничто не спасало: ни одевая на себя, ни трепя на пороге у двери. Единственной нашей спасительницей была русская пелена, которую надо было тепло топить. Большинство семей нашего села ходило за березками на Талицкой острове (это по замерзшей Катунь километра три) поздно вечером. Рубить березки было строго запрещено, его охранял лесник. И не дай Бог, попадет кто ему! Ухнештест бичом, а уж топор-то отберет обязательно. Наверное, за военные годы он из этих топоричей не один кубометр на дрова сложил. Маша с Васей как-то удавалось не попадаться леснику. Срубил по березке, завязал комель на плечо, а хлыст по снегу волокут. Принесут домой, распялят каждую на три части и даже третью часть поднять не могут — так устанут. А может быть, поэтому, позже, в зрелые годы, Вася любил в березке-невестушке испулав вино свое».

Помню такой случай. Летнее время, суббота. Мама истопила баню, а свежего веника нет. Поднялся на гору, чтобы наломать веток для веника, подошли с мамой к березке, ее надо было прыгнуть, кликнули Васю, а он не вернулся. А как он сидит на пригорке, как в последнем кадре «Печки-ласточек», курит и говорит: «Я не могу помять березу, пойдите домой, у нас в огороде растет черемуха, с нее и наломаем веток». Мама даже обиделась — шла в такую даль, поднимались на гору, и — на тебе... Вася, это же тебе не свинью колоть или курице голову отрубать, черемухой-то не парятся». Пришлось идти в баню со старым веником, мама боалась, вдруг он в баню пойдет из-за нового веника...

Муж
Улица Бочкова около станции метро «Алексеевская». Дом из серого кирпича. Вход в подъезд со двора, местами — зеленого. Домофон. Пятый этаж. Четырехкомнатная квартира. Длинный коридор. «Лидия до конца и налево», — говорит Лидия Федосеева-Шукшина.

Мать Шукшина Мария Сергеевна Попова с Лидией Федосеевой. Невестка — ну просто красотка городская. Это потом ей всех коров в наших фильмах придется передеть

на, и я оказываюсь на кухне, той самой кухне, где Шукшин выпивал по банке кофе за ночь. Последние два года он прожил здесь, перебрался с семьей из измагобарной двухкомнатной. После Сембова эта квартира казалась ему хоромами! — спальня, детская, зал, свой кабинет с библиотекой и письменным столом, за которым, правда, писать еще нужно было привыкать. Машину у Шукшина никогда не было. Она появилась уже у взрослых. Но тут дети появились, ответственность. Соубыльнички, которых надо было поить, исчезли. А много вещей вокруг было. Мне даже в драку вступать приходилось...

— Многие вспоминают о нем как о человеке застенчивом. — И скромным очень, он был и застенчивым, но когда наливало, конечно, это все проходило. Гулял, Стенка Разин! С одной стороны, время бездарно транжирит, но с другой — за разговорами с незнакомыми мужчинами он судьбу вытаскивал... — Кто был в доме хозяин? — Редко кабинет, много чистых листов бумаги, рулончик — это все его, остальное — на мне. — Как Шукшин себя за границей чувствовал? — Хорошо. Но знали, что он пил, и не пригласили на фестивали. Было обидно, когда его фильм «Живет такой парень» Гран-при «Золотой лев Святого Марка» в Венеции получил, а Василий узнал об этом из газет. Потом Андрей Тарковский привез ему фотографии этого лева.

— Как он воспринимал предложение других режиссеров? — Если в сценарии любовная сцена, и разговорники, перебралась с семьей в квартиру на Печки-ласточках. После Сембова эта квартира казалась ему хоромами! — спальня, детская, зал, свой кабинет с библиотекой и письменным столом, за которым, правда, писать еще нужно было привыкать. Машину у Шукшина никогда не было. Она появилась уже у взрослых. Но тут дети появились, ответственность. Соубыльнички, которых надо было поить, исчезли. А много вещей вокруг было. Мне даже в драку вступать приходилось...

— Я живу с чувством, что когда-нибудь вернусь на родину навсегда — слова Шукшина. Как вы считаете, он мог бы действительно уехать от городской суеты? — Ностальгия была, но было время не ехать. Он повторял, что после «Стенки Разина» уйдет из киношки, будет только серьезно писать. Желание бросить кино у него возникло, потому что каждая его картина оборачивалась душевным стриптизом. Ни одного фильма не вышло, чтобы, как он задумал, так и снял. Да и из журналов я приходила с отхами, момент выбирала, когда и как сказать, что не печатаю по идеологическим соображениям. Не знаю, что для него главное было — семья или работа, но трудоголик он был страшно. Когда человек в тридцать пять лет впервые женился официально, дети появились, квартира, телефон, у него — кабинет, свой стол, свои книги, куда он мог уехать? — О судьбе первой дочери Василий Шукшин от Виктории Софро-

В рассказах у него столько юмора, а к жизни он очень ревностно относился: вот это мое, и все тут. Сейчас внук его, Вася Шукшин подрастает. Глазами сверкает, кулачком стукнет по столу: «Я сказал нет, значит, нет!»

Отец

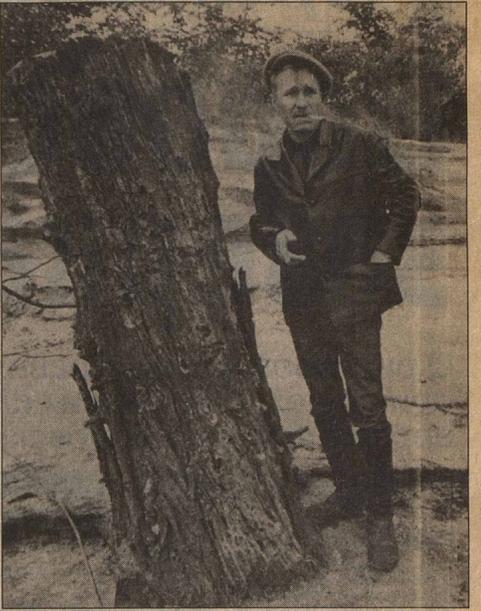
Из письма Шукшина к матери: «Не хочется заглядывать и не буду, но есть желание... уповал Лиду — «кутильи им «двочкам» братца, даст Бог». В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

Дочек у Шукшина было три. И три женщины в его жизни фигурировали. С Шукшиной Марией Ивановной, женой первого Стрелок. Шукшин зарегистрировал брак 16 августа 1956 года, но в конце этого же месяца уехал в Москву на учебу, и дальнейшей совместной жизни с молодой женой не получилось.

В Москве начнется другая история. В то время два знаменитых «левых»

Василий Шукшин на Истре с мамой Олей и бабушкой Лидой

деятеля — Олег Ефремов и Василий Шукшин — жили с дочками «правых» писателей — Кожвинокова и Софронова. Шукшин оказался в семье литератора, без пьес которого не обходился ни один театр в стране. Виктория Софронова Василий Макарович звал не женой, а своим добрым критиком. В 1965 году у них появилась дочь Катя. Но в квартире тещи, главного редактора «Оттепель», находившегося в авангарде социализма, Шукшин жил по своим законам. Тот человек, который обычно хлестал и открытым, считал, что начинающего писателя нужно учить: как жить, как писать. И в одно прекрасное утро, сидя на кухне в подтанкиках, Шукшин не выдержал, послал родственника куда подальше и ушел из дома, прямо как был в нижнем белье, навесде. С Катей Шукшиной и Викой Софроновой будут поддерживать отношения мать Василия Макаровича, его сестра и, конечно, сам он, посланная весточкой своей старшей дочке «из-под самого сердца». Из письма (1973 года) Василия Шукшина Кате: «Очень давно не видел тебя и чувствую большую вину перед тобой. Прости меня, пожалуйста. Мои обещания будут (были бы) какими-то такими, какие ты не поймешь пока».

И вот стало рано и сижу думаю. И боюсь этого сна, потому что один раз я тебя тоже видел во сне и ты тогда заболела. Но теперь я тебя видел очень хорошо: ты отвечала уроку по русской литературе... Набралась, доченька, сил и здоровья! Я тебя очень люблю, много я тебе думаю. Жизнь сложная, но потом в ней разберемся. Мы все пойдем и одолеем! Делай у меня работу, как раньше. Я когда был маленьким, страсть как любил читать и вспоминаю то время с хорошим чувством. Хотел бы туда вернуться, да нельзя — вот ты взяла и вернулась. И я рад этому и потому и люблю тебя...»

В письмах родным и друзьям рассказывал о том, как растут девочки, — в числе навязчивых: «Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

Дочек у Шукшина было три. И три женщины в его жизни фигурировали. С Шукшиной Марией Ивановной, женой первого Стрелок. Шукшин зарегистрировал брак 16 августа 1956 года, но в конце этого же месяца уехал в Москву на учебу, и дальнейшей совместной жизни с молодой женой не получилось.

В Москве начнется другая история. В то время два знаменитых «левых»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»

«Маша растет большой разбойницей. Дома сидит, без конца играет с ней, куда пойдешь, она за тобой — воткой хвостик в моей жизни. Третий хвостик лежит пока в кровати, агукает, но оставлять тоже уже нельзя: тут же превращается на животик. Лежит мужик в «двочкам» братца, даст Бог... В тесноте родили двоих, а в такой квартире — ни одного, несправедливо...»